

ГУНН

Кровь — густая, как смыслы рун:
Хоть Жар-птицу из неё лепи.
Я — последний убитый гунн
В этой чёрной сырой степи.

Растерялась моя Орда.
Разуверилась по пути.
Вдоль дороги бредут стада:
Я их должен теперь пасти.

Как Владимиру — саркофаг,
Мир мне — тесен и тёмен — знак.
Дед повесил советский флаг —
Внук на нём нацарапал: «Fuck».

Вот вам музыка! Вот кино:
Благо, истина и т.д.
Но утопленник знает дно
По кругам на святой воде.

И Сансара мотает круг:
Каждый бредит своей судьбой.
Никому я уже не друг:
Дайте силы побыть собой.

За собакой придёт хот-дог.
За хот-догом придёт финал...
Помоги мне, распятый Бог,
Всех простить, кто Тебя распял.

А когда на большой экран,
Как реклама, взойдут кресты,
Вы увидите свет из ран:
Это гунны. Они чисты.

СРЕДИЗЕМЬЕ

Древнее моря сделалась земля.
В медузах — яд.
Укусы пахнут спиртом.
Из детских глаз шаманка конопля
Течёт, как пот по чернокожим спинам.

Любовь — обман.
И нелюбовь — обман.
Пекут эпохи на опухших генах.
Шумер, Аккад, Египет, Ханаан —
Слились в клубок, как женщины Гогена.

Отрава мёдом капает с ножа.
Король стрекоз живьём закопан в Гане.

И всё вокруг — на самом деле Джа,
Смертельный,
Как медузы под ногами.

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ

Ни побратима смерть и ни врага —
Не так страшны: гранаты и гвоздики.
Оркестр над гробом. Гробокопам — слава.
Ещё один шахид на ложе девы.
Ещё одна слеза из глаз Христа.

Как правая и левая нога,
Добро и зло танцуют пляску диких.
Движения налево и направо,
Движения направо и налево —
Бессмысленны: повсюду — пустота.

Ни побратима смерть и ни врага —
Не так страшны, как этот мёртвый танец
Живых своих на вражеских могилах:
Над Гектором — злорадство Ахиллеса,
Отринутый Гомером эпизод.

Когда война крысиные бега
Ведёт, и ставкой служит новобранец,
Бегущий в тыл из боя, в бой из тыла,
И так по кругу, — никакого веса
За чувством такта мир не признаёт.

Любовь в пуантах барышни Дега
Порхает на растяжках, минах, пулях.
На вечный зов её беспечной муки
По высохшей воде бредут скитальцы:
Они — блаженны, ибо в них — Господь.

Ни побратима смерть и ни врага —
Не так страшны, как... женщина с кастрюлей,
Что утром постит котиков в Фейсбуке,

А вечером, смеясь, вонзает пальцы
В чужую окровавленную плоть.

ТЕНОЧТИЛАН

Артёму Сенчило

Город Теноча. Кактусы и орлы.
Солнечность коки в белом песке золы.
Звёзды цветов — и все ни добры, ни злы:
Ометеотлю ведомы две иглы.

Город Теноча. Тайны семи пещер.
В каждой из них дежурит Кецаль Коцпей.
Зеркало лепит глиняных сто вещей.
Жертвы горят на ткацких узорах щеп.

Город Теноча. Смерть в календарный срок.
В позе жреца сидит футболист без ног.
С нами — знамёна, римский престол и Бог...
Город Теноча — весел и одинок.

Город Теноча проклят. Любой ацтек
Скажет тебе, что это уже навек.
Скажет тебе о перлах небесных рек —
Тех, что зарыты в глубях и помнят снег.

Город Теноча. Библия и война.
Наша вина, Диего, не так страшна.
Новоиспанцам — слава.
Вождем — хана.

Выпей, Диего, выпей меня до дна.

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ БУДДЫ

Она появилась за полночь, когда волоком
Я тащил на себе бессмысленнейшее право.
Что я запомнил? —
Её голубые волосы.
Её золотую нежность. Её подставы.

Когда же любовь истончилась, как нитка воска,
Как перешеек свадебного коня,
Передо мной возникло большое войско
Со стрелами из огня.

Глотая его, словно вафельное мороженое,
Я весело ждал окончания сериала.
Третьим пришёл я сам,
Но на век моложе,
С глазами цвета морских фиалок.

Я, что моложе, изрёк:
«Взгляни на себя, герой!
Чего ты добился, покинув дворцы в Магадхе?
Будущий Магомет разберётся с твоей горой
Единственным выстрелом из рогатки».

По правде сказать, — третье было невыносимо,
Как стирать ребячий рисунок цветными мелками,
Как встречать поезда, проносящиеся мимо,
Обожая, блаженствуя, отпуская.

И вот, наступило утро. Очнулось небо.
Выдохнув никотин с предрассветной трезвостью.
Рядом со мной, естественно, — никого и не было...

Кроме одной волосинки,
Которую я отрезал.

ЯПОНИЯ

*Отныне я стремлюсь к стихам,
Которые были бы мелки, как река Сунагава
Мацуо Басё*

Для ныряния вглубь обмелело подводное царство,
Как прозрачная речка в песчаных часах Сунагавы.
Дорогое вино вперемежку с дешёвым лекарством —
Вечный дзен мертвеца в колее между сливой и славой.

Я давно уже умер: до первого детского счастья,
До последнего вдоха дедов на семейном совете.
И поэтому я научился прощать и прощаться,
И поэтому я научился угадывать ветер.

Эти карты вещей не имеют ни масти, ни смысла:
То ли пепел замёрз, то ли воду огнём накалили.
Засеваются капли. Растут вундеркинды и числа.
Опухают на шее марксистские бусы калины.

Этот дождь не закончится — он неизбежно закончит
Бытие твердолобых камней на пустом побережье.
И останется что? Лишь песочно-крошащийся пончик,
Как последняя нежность принцесс в мясорубке медвежьей.

Мелководной змеёй, в параллель позвоночнику ливня,
Нас несёт серебро в колее между левым и правым.
И ни волны к веслу, и ни вёсла к ладони не липнут:
Ничего — ни к чему...
Истекают пески Сунагавы.